

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>UDC 81'37:801.631.5
LBC 81.055.5Submitted: 11.03.2021
Accepted: 07.06.2021**POETIC DICTION AND STANDARD LANGUAGE: PREDICTIVE ASPECT****Svetlana N. Shevchenko**Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Russian State Geological Prospecting University (Stary Oskol Branch), Stary Oskol, Russia

Abstract. The article deals with the interdiction convergence on the example of evolutionary changes in lexical semantics of poetic language. The current study contributes to the development of the methodology for studying the language evolutionary processes. The paper describes certain trends of dynamic changes and their specifics; it gives some prediction about the further lexis convergence of different types of functional styles. The findings contribute to the development of lexicography which is going to reflect not only static but also dynamic characteristics of lexical units including stylistic ones. The subjectivity of labeling poetic vocabulary in dictionaries can be partially removed through the analysis of corpus data by comparing frequency indices in different subsections, however this method is not always accurate, moreover, it doesn't effectively trace evolutionary changes. The data from the psycholinguistic experiments can help reveal the dynamics of changes. On the one hand, the results of scaling show the extent of poetry in connotative meanings; on the other hand, the open-response associative experiment allows us to calculate the archaization index of a lexeme through summing up the numerical values of certain selected parameters. The research gives obvious evidence of active archaization of some specific poetic lexemes. The findings also prove that the dynamic changes in stylistic connotation are not synchronous with the changes in the denotative layer of a lexical unit.

Key words: interdiction convergence, poetic connotation, archaization index, frequency, psycholinguistic experiment, psychosemantics, poetic word, archaism.

Citation. Shevchenko S.N. Poetic Diction and Standard Language: Predictive Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 191-204. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>

УДК 81'37:801.631.5
ББК 81.055.5Дата поступления статьи: 11.03.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021**ПОЭТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА:
ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****Светлана Николаевна Шевченко**Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета
им. Серго Орджоникидзе, г. Старый Оскол, Россия

Аннотация. В статье рассматривается межстилевая конвергенция на примере эволюционных изменений в лексике поэтического языка. Исследование вносит вклад в совершенствование методики изучения динамических процессов языка. В работе описаны тенденции эволюционных изменений в поэтической лексике, дан прогноз о дальнейшем сближении функциональных стилей на лексическом уровне. Результаты исследования способствуют развитию лексикографии, которая сможет отражать не только статические, но и динамические характеристики в семантике языковой единицы, в том числе стилистические. Показано, что субъективность маркирования поэтической лексики в словарях можно преодолеть посредством анализа корпусных данных путем сравнения частотных индексов в разных корпусах, но этот метод не всегда точен и не позволяет в полной мере отслеживать эволюционные процессы. Для выявления особенностей изменений словаря мы предложили основываться на данных психолингвистических экспериментов. Помимо установ-

ления степени поэтичности лексемы по результатам шкалирования, психолингвистический эксперимент позволяет вычислить коэффициент архаизации некоторых поэтизмов с помощью отобранных автором параметров. Показан процесс активного устаревания отдельных специфичных для поэзии лексем. Определено, что эволюционные процессы в стилистическом коннотативном слое значения не всегда синхронны с динамическими изменениями в денотативном слое.

Ключевые слова: межстилевая конвергенция, поэтическая коннотация, коэффициент архаизации, частотность, психолингвистический эксперимент, психосемантика, поэтизм, архаизм.

Цитирование. Шевченко С. Н. Поэтический функциональный стиль в общей системе языка: прогностический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 191–204. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>

Введение

Актуальность исследования функциональных особенностей лирики продиктована интересом науки к прагматико-стилистическим компонентам речи. В то же время динамические процессы современной цивилизации подвигают к более пристальному изучению особенностей диахронических изменений языка. Глобализация и стирание границ, понимаемые в широком смысле, отражаются и на эволюционных изменениях в функциональных стилях языка; в связи с этим научный интерес представляет выявление особенностей межстилевой конвергенции, затрагивающей поэтический язык, в частности его словарь.

В последнее время семантика слова широко изучается с помощью когнитивных и психолингвистических методов. Однако коннотативные слои значения попадают в поле зрения ученых-лингвистов нечасто. Данное исследование направлено на рассмотрение стилистического поэтического компонента значения с использованием комплекса методов, центральным из которых является психолингвистический. Предлагается оригинальный метод вычисления коэффициента архаизации лексем, основанный на параметрическом подходе. Его принципы могут быть использованы в изучении других аспектов языка, в связи с чем статья вносит вклад в развитие неструктурных подходов исследования лексики и семантики.

Работа направлена на решение спорных до настоящего времени теоретических вопросов, связанных с уточнением понимания терминов «литературный язык», «поэтизм», антинормии литературного и поэтического языков. Языковые процессы рассматриваются в свете конвергенции функциональных стилей.

Материал и методы

Материалом исследования в его практической части послужила поэтическая лексика. Словарные единицы изначально отбирались в лексикографических источниках (лексемы с пометами «поэтическое», «возвышенное», «книжное»); далее наличие у слова поэтической коннотации доказывалось с помощью анализа корпусных данных (сопоставлялись частотности слов в основном и поэтическом корпусах русского языка); метод психолингвистического шкалирования позволил вскрыть актуальное стилистическое содержание коннотативного слоя лексем, в частности выявить поэтические коннотации как у специфических для лирики слов, так и у некоторых слов, характерных для обиходного языка.

В серии психолингвистических экспериментов на шкалирование определялась общая выраженность поэтического стилистического значения, изучалась роль уменьшительных суффиксов в формировании у слова поэтической коннотации.

Центральным моментом, представляющим научный интерес, является разработка методики исследования степени архаизации поэтизмов и возвышенной лексики, основанной на анализе данных свободного ассоциативного эксперимента. Процесс устаревания лексем отслеживается на основе выделенных параметров; присвоение им числовых значений и их математическая обработка лежат в основе предложенного метода вычисления коэффициента архаизации слова.

В исследовании поэтический язык рассматривается не как автономное образование: изучаются его связи с другими функциональными стилями, определяются основания и приводятся примеры взаимодействия и сближения.

Результаты и обсуждение

Антиномия литературного и поэтического языков: терминологические трудности

При описании уровней системы национального, в том числе и литературного, языка обнаруживаются некоторые терминологические сложности. В частности, представляется затруднительным найти противоположность поэтической разновидности языка при сравнении поэтической и непоэтической речи. Такое сопоставление необходимо для выявления поэтически маркированных элементов языка. Поэтический язык рассматривается в лингвистике как часть литературного, или, как он обычно именуется в западной традиции, стандартного (*standard*), в котором используются литературные варианты лексики (*learned words*). В таком понимании поэтический язык, несмотря на наличие стилистической специфики, не противопоставлен литературному (стандартному) языку, поскольку пользуется той же грамматикой и в целом той же лексикой: «...поэзия – это лишь концентрированное выражение обыденной речи» [Плунгян]. В то же время стандартный язык антагонистичен лирике, поскольку первый трактуется в лингвистике как *school* (школьный), *academic* (академический), *formal* (официальный), *educated* (грамотный), *good* (хороший), *correct* (правильный), *proper* (приличный) язык [Hudley et al., 2010, p. 36], в чем видится несоответствие между такими свойствами языка, как стандартность, академическая правильность и поэтическая обособленность, возвышенность. Более того, как отмечает М. Стабс, «there is enormous confusion about terms such as ‘standard’, ‘correct’, ‘proper’, ‘good’, ‘grammatical’ or ‘academic’ English, and such terms are at the centre of much debate» [Stubbs, 1986, p. 83] – «существует огромная путаница в отношении таких терминов, как “стандартный”, “правильный”, “приличный”, “хороший”, “грамотный” или “академический” английский, содержание данных терминов все еще уточняется» (здесь и далее перевод наш. – С. Ш.).

С одной стороны, стандартный язык включает наряду с языком науки, публицис-

тики, официально-делового общения и язык литературы. Так, по определению энциклопедии Британники, стандартный язык используется в делопроизводстве, литературе, экономике – «in administrative matters, literature, and economic life» (Британника); по мнению Дж. Пикетта, «the term *Standard English* refers to both an actual variety of language and an idealized norm of English acceptable in many social situations» [Pickett, 2005, p. 18] – «термин “стандартный английский” относится как к активно используемому варианту, так и к идеализированной норме английского, применимой в разнообразных ситуациях». С другой стороны, высказываются мнения, что некоторые престижные в социальном плане формы или культурно-возвышенные варианты речи не включены в стандартный язык, например: «...many nonstandardised features appear in famous novels, plays and poetry» [Hudley et al., 2010, p. 44] – «...многие нестандартизированные формы встречаются в известных романах, пьесах и стихах». Таким образом, мы не обнаруживаем однозначного рационального понимания существа взаимодействия литературного / стандартного и поэтического языков.

Очевидно, что в поэтическом языке происходит некоторое нарушение определенных норм стандартного языка: «The distortion of the norm of the standard is, however, of the very essence of poetry, and it is therefore improper to ask poetic language to abide by this norm» [Mukařovský, 2014, p. 50] – «Нарушение норм представляет собой саму сущность поэзии, поэтому было бы неправильно требовать от поэзии подчинения», но в то же время общеязыковая норма стандартного языка остается до некоторой степени устойчивой, она всего лишь несколько расшатывается при переходе языка из одной подсистемы в другую: «Many of the linguistic components of a work of poetry do not deviate from the norm of the standard because they constitute the background against which the distortion of the other components is reflected» [Mukařovský, 2014, p. 43] – «Большой объем элементов поэтического языка следует нормам обыденного языка, поскольку на фоне традиционного употребления неконвенциональное творческое использование языковых возможностей выглядит более выпукло и ярко». В этом можно согласить-

ся с П. Стоквеллом: «Literary language is not in itself special or unique, though it is used in particular ways» [Stockwell, 2019, с. 17] – «Художественный язык сам по себе не особенный и не уникальный, хотя он используется необычным образом».

Итак, антиномия «поэтический язык – литературный язык» определяется тем, что, с одной стороны, первый генетически обусловлен вторым, с другой – язык лирики не лишен своеобразия собственного генезиса и функционирования, то есть он является одновременно и частью, и противоположностью. Для преодоления данной антиномии и нахождения области непоэтического, противоположного поэтическому, целесообразно противопоставлять не поэтический и литературный (стандартный) языки, а поэтический и обыденный (будничный, повседневный) или поэтический и официальный, которые пользуются соответственно возвышенной лексикой и нейтральной. Однако на данном этапе эволюции лингвистики с активным развитием психолингвистики и широким применением ее инструментов было многократно показано, что психосемантика лексических единиц отражает эмоции и оценки, личностные смыслы, связь с различными жизненными ситуациями, и найти эмоционально нейтральные, экспрессивно неокрашенные лексемы представляется затруднительным. С точки зрения психолингвистики существование нейтральной лексики сомнительно, поскольку, как будет показано ниже, прикрепление слов к определенному стилю речи является условно-ситуативным, речевой и жизненный контексты легко нарушают связь некоего слова с тем или иным функциональным стилем.

До сегодняшнего дня нерешенной проблемой остается определение поэтической лексики и в частности термина «поэтизм». В западной лингвистике к данному понятию в его транслитерированной форме практически не прибегают. Тем не менее как отечественные, так и зарубежные словари активно маркируют возвышенные единицы, которые не востребованы (редко востребованы) обыденным языком. Специфическая для лирики лексика в словарях сопровождается пометами «поэтическое», «традиционно-поэтическое», «народно-поэтическое», «поэтическое архаи-

ческое», «высокое», «книжное», «церковнославянское», «литературное» (последнее характерно для зарубежных словарей). Разнообразие стилистических помет обусловлено тем, что отнесение слова к тому или иному функциональному стилю представляет собой определенную проблему в силу того, что критерии использования стилистических помет научно не определены и, по мнению Б.В. Орехова, «в отсутствие внятной теории составитель словаря оказывается дезориентирован в том, какой лексеме и на каких основаниях необходимо присваивать такую (поэтическое. – С. III.) помету» [Орехов, 2012, с. 1647]. Кроме того, как показал Р. Цур, поэтический язык связан с передачей слабо рационализируемых, размытых поэтических значений, неясных значений: «lowly-differentiated, diffuse emotional qualities», «blurred meanings» [Tsur]. В связи с этим лексикографы, как правило, делают выбор, основываясь на своем субъективном чувстве и понимании стилистического расслоения языка. В то же время поэтические специфические единицы, будучи маркерами стихотворного дискурса, неоднородны, их коннотативный слой также разнообразен по выраженности звуковой поэтичности, архаичности, эмоциональности, оценочности, метафоричности, диалектичности и пр., выделяются многочисленные факторы, оказывающие влияние на формирование поэтических коннотаций [Шевченко, 2020].

В настоящее время критерием отнесения слова к поэтизмам могли бы послужить данные корпусных исследований, основанных на методе сравнения частности лексемы в основном и поэтическом корпусах. Исходя из нашей практики, мы можем утверждать, что во многих случаях данный метод работает: единицы, помеченные в словарях как поэтические, демонстрируют более высокую частотность в поэтических разделах корпусов, чем в основных. Однако у корпусного метода имеются и серьезные недостатки. Один из них связан с содержанием текстовой базы корпусов. Так, в основной корпус, как правило, включены и художественные тексты, что сказывается на достоверности числовой картины. К другим недостаткам корпусного метода можно отнести валидность принципа частотности как показателя поэтичности. Например,

мы обнаружили противоречие между данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и результатами психолингвистического шкалирования на определение роли уменьшительных суффиксов в формировании у слова поэтической коннотации. Согласно корпусным данным словоформа *золотой* употребляется в поэтическом корпусе 1 941 раз, в то время как уменьшительный дериват *золотистый* – только 164 раза. Однако результаты психолингвистического шкалирования на выбор поэтической формы из цепочки морфологических синонимов показывают, что предпочтение отдается уменьшительной форме (50 против 13). Данное расхождение возникает по той причине, что диминутивы имеют существенно более низкую частотность в языке в целом и наличие у них поэтических коннотаций не приводит к замещению ими слов без уменьшительных суффиксов в поэзии. Практическое решение данной проблемы видится в вычислении сложных коэффициентов на основе корпусных данных, например определении интенсивности возрастания частотности диминутивов относительно безсуффиксальных форм при сравнении данных поэтического и основного корпусов.

Достоверность коэффициентов частотности может снижаться и по причине многозначности слова. Особенностью поэтических произведений является частое использование известных слов в метафорическом значении как проявление речемыслительной иносказательности, лексические единицы обогащаются метафорическими смыслами. Стандартные для общеупотребительного языка слова используются не в прямых, а в переносных значениях, часто развивая новое неожиданное значение («a fresh or surprising meaning» [Hudson, 1910, p. 41]) с акцентированием коннотативных компонентов семантики, в результате мы наблюдаем явление, когда лексические единицы по форме типичны для стандартного языка, но по передаваемым с их помощью смыслам редки или даже окказиональны (*сиреневые ночи* у С. Есенина). Отмеченный Ю.М. Лотманом факт, что «слово в поэзии “крупнее” этого же слова в общезыковом тексте» [Лотман, 1996, с. 91], учесть в ходе корпусного анализа не всегда удается, в силу чего частотность словоформы не коррелирует с частотностью поэтического значения или поэтической коннотации, которую мы исследуем.

лирует с частотностью поэтического значения или поэтической коннотации, которую мы исследуем.

О том, что частотность – это не основной показатель поэтичности, свидетельствует и выраженная окказиональность поэтического языка по сравнению с другими функциональными стилями (научным, официально-деловым и т. д.) вследствие высокой степени осуществления творческого процесса в речи. Поэтические неологизмы являются трансляторами поэтических смыслов, хотя могут не быть не только частотными, но иногда и узуальными единицами (например, *луненья* у И. Северянина, *лунность* у С. Есенина, *чудесапель* у Хлебникова). Поэзия – это область циркуляции автономных форм (по А.А. Леонтьеву), которые «не стереотипны, не кодифицированы. Они-то и несут в себе основную художественную нагрузку» [Леонтьев, 1997, с. 134]. Очевидно, что автономность обособляет поэтический язык от стандартного и первый не вполне правомерно рассматривать как неотъемлемую часть второго.

Особенности межстилевой лексической конвергенции

Лексика поэтического языка в целом совпадает с кодифицированным словарем общеупотребительного языка, но в лирике как одной из функциональных подсистем языка развиваются и используются характерные именно для нее черты. Свои особенности имеют и другие функциональные стили. Однако между ними нет непреодолимых границ, незамкнутость и диффузность приводят к межстилевой размытости и конвергенции. Изначально на формирование стиля оказывает влияние речевая деятельность и ее особенности: цели, мотивы, ситуативная обстановка. «Каждая речевая среда обладает при этом ассимилятивной силой, которая заставляет слово нести те, а не иные функции и окрашивает их тоном деятельности», – считал Тынянов; он указывал на «окраску слова характером той деятельности или среды, которая его впервые изменила и создала» [Тынянов, 1924, с. 57–58]. Действительно, иногда слова появляются для реализации исключительно особых целей определенного вида дискурса, однако, во-первых,

количество таких специфических слов в общей системе национального языка не столь велико, а во-вторых, стилистически маркированные слова легко заимствуются другими стилями, в то же время некоторые структуры удовлетворяют условиям разных видов деятельности. Так, поэтами часто используются разговорные и просторечные единицы, в связи с чем они не являются исключением в стихотворных текстах, легко адаптируются под требования лирики, приобретают стилистические коннотации и становятся маркерами не только разговорного, но и поэтического стилей. Существует особый тип стихов, например сатирических, где просторечные элементы встречаются особенно часто. В целом они придают поэзии большую достоверность, отражая не столько «идеальные» возвышенные переживания, сколько реальные эмоции. Например, слово *нынче*, помеченное в словарях как разговорное, показывает весьма высокий коэффициент частотности (*ipm*) в поэтическом корпусе – 132,36, в то время как частотность его в устном – 22,99, в основном – 49,15. Учитывая этот факт, в словарях для слова *нынче* правомерно к помете «разговорное» добавлять и «поэтическое».

Более того, сама разговорная речь не лишена поэтичности. В.В. Химик в работе «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» анализирует современное городское просторечие как особую сферу поэтического самовыражения говорящего [Химик, 2000]. Фольклор (частушки, народные песни), будучи носителем лирического начала, наполнен чувствами, красками, метафорами, которые являются маркерами поэтического. Одной из форм проявления метафорического поэтического мышления в народной разговорной среде можно считать ритмизированные и/или рифмованные пословицы, поговорки и присказки. Они не лишены поэзии, поскольку иносказательны, образны, для них нехарактерно линейно-рациональное развертывание мысли, и они часто музыкальны по форме. Здесь правомерно говорить о сращивании и взаимопроникновении элементов разговорного и поэтического стилей.

Если рассматривать основания, которые позволяют сближаться поэзии и просторечию, то в качестве одного из них можно указать на

их противопоставление общеупотребительному языку. Стоит отметить, что и поэзия, и разговорный язык характеризуются отличными от официального способами выражения; например, если определенная лексема в языке может существовать как в полногласной, так и редуцированной форме, то в разговорной и поэтической речи предпочтение отдается сокращениям и усечениям [Плетнева, 2011; Шевченко, 2019]. Редуцирование в рассматриваемых функциональных стилях имеет специфику и не протекает параллельно, случаи словоупотребления часто не совпадают, но иногда наблюдается пересечение. В качестве примера можно привести редуцированную форму *уж*, характерную как для разговорного, так и поэтического стилей. Маркированные в поэзии и устной речи всевозможные сокращения форм слова тем не менее выполняют разные функции: в разговорной речи к ним прибегают чаще для быстроты общения, в поэзии – для приспособления к ритмометрическому рисунку.

К стилистически выделенным элементам поэтического языка можно отнести некоторые архаические и диалектные формы, которые часто обнаруживаются и в просторечии. В словарях помета «поэтическое» часто соседствует с пометой «архаическое». Сближение поэтического и разговорного стилей отчетливо прослеживается в устно-поэтическом народном языке, который представляет собой, по словам В.И. Собинниковой, «диалект в его образно-эстетической функции», «художественный тип диалектного языка» [Собинникова, 1969, с. 79].

Разговорный и поэтический стили в противопоставление официальному отличаются также повышенной субъективной эмоциональностью и оценочностью. Эмоциональность реализуется, в частности, в использовании иного (измененного) способа наименования. «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [Арутюнова, 1999, с. 81–82]. Эмоциональные способы выражения связаны с частотным использованием уменьшительных суффиксов, передающих эмотивный компонент значения, характерных для разговорного и поэтического стилей и редко употребляемых в официальной речи.

Поэтическую и разговорную речь сближает отсутствие жесткой нормы: языки обоих стилей имеют более прозрачные границы, чем официальный, они чаще подвержены изменениям. В них нередко формируются новые языковые средства, которые позже могут адаптироваться общеупотребительным национальным языком. В просторечии – это жаргонные, диалектные слова, в поэзии – слова в метафорических значениях, грамматические и фонетические варианты (в частности, с вариантными ударениями).

В некоторых случаях в обоих стилях схожи цели: самовыражение автора, воплощение его переживаний, взглядов, иронии, конструирование субъективной картины мира, а не передача объективной информации и отражение в деталях особенностей внешнего мира. Отчетливо противопоставлены безличность официального языка с одухотворенностью поэзии и эмоциональностью просторечья. В официальной речи субъект оперирует оболочками форм, основываясь на простой и прямой референции, в поэтической и разговорной – на первый план выходят личные ассоциации, вербализация оценок и эмоций, творческое выражение мыслей с некоторым отклонением от кодифицированных норм.

Поэзия может пересекаться и с другими функциональными стилями. Например, взаимопроникновение публицистики и лирики отражено в политической сатире. Иногда можно обнаружить взаимопроникновение более чем двух функциональных стилей. Так, творчество современного поэта В. Лютова основано на симбиозе поэтических, разговорных и публицистических элементов. Публицистичность создается посредством использования современных газетных выражений и обращения к концептуальному содержанию медиадискурса, политическим темам и темам общественной жизни. Разговорность проявляет себя в обилии и нарочитом использовании просторечных слов: *Дональдюша* (о Трампе), *телек*, *побазарить*, и диалектизмов: *тады* (тогда), *мои други*, *энти*, *жисть*, *Рассея*, *погутарить*.

Поэтический стиль в наше время взаимодействует с научным. Глобализация, характерная для современного мира, затрагивает и сферу языка, что проявляется в конвергентных процессах в разных сферах жизни как

некое усреднение или объединение: стираются не только национальные, но и социальные различия, унифицируется система образования и т. д. Всеобщая академическая грамотность приводит к тому, что научный дискурс проникает в поэтический, давая основание появлению новых метафор, основанных на переносе научных представлений в поэтическую картину мира. Ярким примером может служить стихотворение И.А. Князевой (выделение единиц научно-технической речи наше. – С. Ш.): *Мелькают счетчиком года, / Вся жизнь в стремительном движении, / А мы находимся всегда, / Как ЛЭП, в высоком напряжении. / Сгорают нервы словно спички, / И так порою припечет, / Что впору вывесить табличку: / «Не подходи, а то убьет»... / ...Но грозы всякие проходят, / Как в марте вьюга на дворе, / И хорошо, что не подводит / Души защитное реле* (НКРЯ. Князева И.А. Средство от стрессов. Вестник ЗОЖ. № 22, 2018. С. 38).

Как справедливо отметил Р. Колеман, «in fact no words were too prosaic to appear in even in the highest poetic contexts» – «на самом деле нет такого прозаического слова, которое не могло бы использоваться в самом возвышенном поэтическом тексте» [Coleman, 1999, p. 21]. Для описания поэзии как способа образного мышления М.Н. Эпштейном предложен термин «сверхпоэзия», который трактуется как «поэтические миры природы и общества, научных открытий и технических изобретений» [Эпштейн, 2016, с. 3].

Рассмотренные выше явления, свидетельствующие о взаимопроникновении различных функциональных стилей языка, позволяют сделать вывод о том, что функциональное разграничение не представляется устойчивым и статичным. В связи с этим можно предположить, что в будущем неизбежно сближение лексики разных стилей языка, а поэзия в скором времени лишится многих диалектизмов, архаизмов, поэтизмов, поэтических усеченных форм.

Параметры архаизации некоторых поэтизмов

Для определения параметров изучения устойчивости / динамичности традиционных

поэтизмов и архаизмов мы обратились к методу свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. Респондентами выступили студенты неязыковых и негуманитарных специальностей вузов (всего 85 человек), что позволило выявить представления о семантике языковых единиц не специалистов, а людей, знакомых с поэтическим наследием лишь в общих чертах. В качестве стимулов были предложены как устаревшие, так и еще актуальные поэтизмы и общеупотребительные слова с выраженной стилистической поэтической коннотацией. В числе реакций участникам эксперимента разрешалось давать определения и толкования, приводить известные строки из стихотворений с использованием предложенных стимулов, кроме того, составлять собственные свободные словосочетания.

Мы выделили несколько параметров, отражающих процессы изменения актуальности слова, опираясь на предложенную В.А. Пищальниковой систему исследования семантической динамики [Пищальникова, 2019, с. 55].

По нашему мнению, доказательствами архаизации слова-стимула служат: 1) высокий процент полученных отказов генерирования реакций, свидетельствующий о том, что респонденты с трудом ассоциируют лексическую форму с разными смыслами; 2) сужение объема ассоциируемых с поэтическим значением слова реакций и увеличение количества паронимических и парадоксальных ассоциаций; 3) уменьшение объема ассоциативного поля, часто с преобладанием лишь устойчивых выражений языка и известных литературных строк. В ходе анализа полученных данных были сделаны некоторые выводы:

1. Среди стимулов, вызвавших наибольшие затруднения, можно отметить следующие (цифра в скобках обозначает количество отказов): *сонмы* (69), *просинь* (65), *зычный* (64), *неизбывный* (60), *мирады* (59), *благоговенье* (56), *кручина* (54), *сырый* (53), *вешний* (53), *сень* (52), *денница* (52), *разверстый* (51). Данные слова-стимулы непонятны большинству опрошенных и, видимо, большинству носителей языка в настоящее время, следовательно эти единицы практически завершили переход в разряд устаревших.

Несколько меньше затруднений в генерировании реакций вызвали следующие сти-

мулы: *нега* (47), *полымя* (46), *ретивый* (45), *вереница* (43), *дол* (42), *рдеть* (42), *стезя* (40), *алчущий* (37), *сизый* (30). Приведенные слова можно отнести к архаичным единицам, семантика которых до определенной степени остается «живой» для носителей языка.

2. Опора только на один параметр в изучении процессов архаизации дает не совсем объективную картину. Иногда респонденты охотно генерировали реакции, являвшиеся паронимическими по отношению к слову-стимулу, поэтому семантика предложенного слова не раскрывалась, например, *лазурь* – *глазурь*; *вешний* – *вещий*; *грезится* – *гроза*; *вереница* – *не верится*; *сырый* – *сырой*; *нега* – *нуга*; *реять* – *сеять*; *полымя* – *попынь*; *сень* – *день* и пр. Большое количество подобных этим реакций свидетельствует о потере словом исконных значений. Кроме того, слово может оказаться многозначным и, несмотря на обилие мотивированных значением ассоциативных реакций, поэтическое значение стимула занимает периферийное положение в ассоциативном поле. Показателен, например, стимул *зефир*. Опрашиваемые были изначально предупреждены, что реакции должны быть связаны с поэтическими представлениями, а не с продуктом питания. Однако лишь трое респондентов ассоциировали слово с *ветром*, остальные не смогли извлечь из памяти связь *зефир* – *ветер* и привели «сладкие» ассоциации. В данном случае количество отказов невелико – 15, но, несмотря на это, можно констатировать, что слово *зефир* в значении «ветер» перешло в разряд абсолютных архаизмов, поскольку поэтическое значение даже целенаправленно вспомнить респонденты не смогли. Аналогична ситуация со словом *брань*. Количество отказов небольшое – 16, но лишь по одному разу упоминаются *поле брани*, *битва*, *борьба*. Представление о сражениях является архаичным, на данный момент значение слова связывается с речевыми действиями.

Кроме того, респондентами были даны парадоксальные реакции, то есть такие, в которых остается непонятной связь стимула и реакции. Чаще всего они возникали в тех случаях, когда опрашиваемые пытались вспомнить известные словосочетания, но, не найдя ничего в памяти, придумали сами, в результа-

те связь между словами не прослеживается / трудно прослеживается: *сень льда, сень волны, сонмы неба, просинь на луну, неизбежный художник*. К таким ассоциациям относятся и «неверные» толкования: *стезя – природное явление, сизый – глухой, сизый – лютый*, но парадоксальность их не всегда абсолютна: она может быть языковой (нарушение норм традиционной сочетаемости), но в когнитивном плане сниматься: ассоциация *зыбь – кружево* немотивирована, поскольку корпус языка не находит примеров сочетания *зыбк* кружев**, с одной стороны, однако между значением слова *зыбкий* «неустойчивый, шаткий» и представлением о кружеве может существовать определенная связь. В целом же парадоксальных ассоциаций было получено немного, по количеству они существенно уступают паронимическим.

3. О жизнеспособности слова можно судить и по объему ассоциативного поля. Например, устаревшее слово *мурава* вызвало затруднения лишь у 22 участников, но разнообразия приводимых реакций не продемонстрировано – их оказалось всего 10, центральное место занимают *трава-мурава* и *травушка-муравушка*, периферия ассоциативного поля не выражена. Ассоциирование здесь обусловлено литературным опытом и не свидетельствует о том, что слово на данный момент современно. Схожие результаты получены для стимула *витать*: 16 отказов, но всего 15 вариантов разнообразных реакций с преобладанием идиоматического выражения *витать в облаках* (40 упоминаний, около половины всех опрошенных). Приведем еще примеры использования устойчивых единиц в качестве реакций: *мглою небо кроет* (стимул *мгла*); *(открой) сомкнуты негой взоры* (стимул *нега*); *там лес и дол видений полны* (стимул *дол*); *ветер реет на просторе* (стимул *реять*); *отныне и во веки веков, Вещий Олег* (стимул *отныне*), *из огня да в полымя* (стимул *полымя*); *райские кущи* (стимул *кущи*). Можно сделать вывод, что сжатие ассоциативного поля является показателем архаизации. В то же время наличие устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, включающих архаичную лексему или поэтизм, замедляют процесс их выхода из употребления.

4. В ходе анализа результатов эксперимента нами был сделан еще один важный вывод: денотативный компонент значения лексемы в процессе эволюционной архаизации часто стирается раньше коннотативного эмоционального, который какое-то время продолжает осознаваться носителями русского языка. В случае с некоторыми лексемами было очевидно, что респонденты четко не представляют их предметного объективного содержания, но чувствуют эмоциональное наполнение значения, могут сказать, связано ли данное слово с чем-то хорошим или плохим. Так, стимул *стезя* вызвал значительные затруднения, отмечено около половины (40) случаев отказа от генерирования реакций. Тем не менее отчетливо выступает негативное эмоциональное восприятие данного слова: *тяжела стезя кого-нибудь, опять на мне стезя, испытание, долг (эмоциональный груз)*. Стимул *лазурь* вызвал незначительные затруднения у респондентов, однако указать однозначно оттенок цвета, обозначенный им, опрашиваемые не смогли, точнее, не смогли сказать синий ли это цвет или голубой, они оба упоминались примерно равное количество раз: 5 и 6 соответственно, 10 раз было сказано, что это цвет или оттенок без попытки его идентификации. Такие данные свидетельствуют о том, что денотативное значение лексемы утрачивается, тем не менее опрошенные единодушно считают, что слово связано с чем-то приятным, поскольку наделяют его возвышенными эпитетами: *лазурь нежная, сочная, красивая, искрящаяся*. Аналогичным примером является слово *благоговение*. Сохраненная коннотация на это слово-стимул подтверждается такими реакциями, как *что-то приятное* или *что-то церковное*. При исчезающей денотации все еще сохраняется эмотивный / стилистический смысловой компонент.

Однако не у каждой лексемы эмоциональная коннотация изначально выражена. Некоторые поэтизмы (часто глаголы) оценочно нейтральны, поэтому утверждать, что во всех случаях рассмотрение эмоциональной составляющей является важным при изучении особенностей архаизации слов, было бы неверным.

5. Мы также обнаружили, что в процессе архаизации слова может происходить не-

который сдвиг в эмоциональном коннотативном семантическом слое значения. Например, традиционно восприятие слова *алчущий* ближе к нейтральному (*алчущие правды, алчущие преобразования, алчущий дух* – примеры из НКРЯ), однако результаты ассоциативного эксперимента показывают, что сегодня слово воспринимается негативно: получены такие реакции, как *злой* (11), *кровожадный, эгоистичность, коварный, унылый*. Видимо, данный сдвиг в сторону негативных эмоциональных коннотаций вызван смещением значений слов *алчущий* и *алчный*. На первую лексему переносятся характеристики второй, поскольку единица *алчущий* устарела и утратила большую часть своих значений.

Примером выраженности всех описанных выше параметров архаизации в ассоциативном поле может служить лексема *вешний*. Во-первых, на стимул было получено большое количество отказов ассоциирования – 53 (62 %). Во-вторых, ассоциативное поле не отличается разнообразием вариантов, их всего 12. В-третьих, большая часть из них – 8 – не связана с традиционным значением слова, значительную долю ассоциаций составляют паронимические. В-четвертых, в ассоциативном поле этого слова-стимула отсутствуют эмотивы, следовательно коннотативная семантика не сохранилась и слово вышло из широкого употребления. Кроме того, не обнаружено ни одной литературной ассоциации: опрошенные не вспомнили ни *вешние воды*, ни *гонимы вешними лучами*. Параметрический подход к анализу ассоциативного поля лексемы *вешний* подтверждает высокую степень ее архаизации.

Для доказательства эффективности методики подсчета коэффициента архаизации на основе выделенных параметров нами была сформирована «контрольная группа», в которую были включены употребительные лексемы. В качестве примера охарактеризуем слово-стимул *могучий*. Его выраженная поэтичность подтверждается значительным сдвигом индекса *ipt* в поэтическом корпусе относительно основного (173,97 против 38,45). Поэтичность этого слова подтверждают и данные проведенного психолингвистического шкалирования на выбор наиболее подходящего для лирики слова из цепочки синонимов. На-

блюдается значительный сдвиг в сторону *могучего: могучий* (163) – *могучий* (20) – *крепкий* (15) – *сильный* (15).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента не было получено ни одного отказа от генерирования реакции на слово *могучий*, со стороны опрашиваемых был предоставлен широкий спектр правильно ассоциируемых со стимулом вариантов (27), не обнаружено ни одной паронимической или парадоксальной ассоциации. Общая семантическая картина дополнена множеством культурных ассоциаций – *ветер, ветер, ты могуч, могучий русский язык; заяц могучий (из мультфильма «Три богатыря на дальних берегах», с большими морковками)*.

По результатам анализа специфики ассоциативных полей были выявлены и другие лексемы-стимулы, не имеющие выраженных признаков завершения процесса архаизации: *померкнуть, оглашать, нынче, очи, зарево, отныне, озябший, багряный, отрадно, внимать, тщетно, лучезарный, мгла*.

В ходе обобщения полученных данных и вычисления коэффициента архаизации мы ограничились рассмотрением трех наиболее валидных параметров: параметр 1 – количество отказов предоставить реакцию; параметр 2 – количество паронимических и парадоксальных ассоциаций; параметр 3 – сжатость ассоциативного поля со скудной периферией. Общий коэффициент архаизации вычислялся путем сложения отдельных параметрических показателей.

В целом параметрический подход к анализу ассоциативного поля с целью прослеживания процессов устаревания лексики показал свою действенность, однако имеются некоторые сложности, связанные с определением границ между проявленностью и непроявленностью признака и его количественным выражением. Для фиксации степени архаизации мы прибегли к системе +++, основанной на полуколичественном представлении данных. Границы между степенями выраженности признаков проведены следующим образом. Для параметра 1: количество отказов от генерирования реакции (от числа всех опрошенных): +++ (60–100 %), ++ (35–60 %), + (15–35 %). Для параметра 2: количество паронимических и парадоксальных ассоциаций (от количества

сгенерированных реакций): +++ (60–100 %), ++ (35–60 %), + (15–35 %). Для параметра 3: сжатость ассоциативного поля (количество реакций от числа опрошенных): +++ (не более 14 %), ++ (15–20 %), + (21–25 %).

Предложенный метод не является совершенным, поскольку границы проводятся несколько условно, при появлении пограничных показателей решение о степени выраженности признака исследователем принимается на основе субъективного суждения. Тем не менее данный метод вычисления коэффициента архаизации позволяет показать динамические процессы в семантике лексических единиц. На наш взгляд, более мелкое деление на большее количество степеней или работа с про-

центными показателями без перевода их в систему +++ затруднит восприятие из-за громоздкости и сложности результатов. В предложенной системе коэффициент архаизации находится в диапазоне от 0 до 9, чего вполне достаточно для наблюдения за динамикой. Данные ассоциативного эксперимента, на которых базируются вычисления, могут различаться в тех или иных группах респондентов, поэтому объективность числовых показателей здесь недостижима.

Показатели архаизации некоторых исследованных лексем систематизированы в таблице. Знак «–» означает, что исследуемый параметр не выражен; знак «–/+» маркирует наличие пограничных значений.

Степень архаизации некоторых поэтизмов

Degree of archaisation of some poetic words

№	Стимул	<i>ipm</i> в основном разделе корпуса (НКРЯ)	<i>ipm</i> в поэтическом разделе корпуса	Параметры архаизации			Коэффициент архаизации
				1	2	3	
1	<i>лучезарн*</i>	3,55	40,3	–	–	–	0
2	<i>внимать (внимае*)</i>	0,83	24,28	–	–	–	0
3	<i>могуч*</i>	38,45	173,97	–	–	–	0
4	<i>багрян*</i>	4,07	72,9	–/+	–	–	0,5
5	<i>лазурн*</i>	2,95	85,8	–	–/+	–	0,5
6	<i>померк*</i>	4,36	51,8	–/+	–	–	0,5
7	<i>оглаша*</i>	4,4	11,85	+	–	–	1
8	<i>нынче</i>	49,65	132,35	–	–	+	1
9	<i>благоуха*</i>	9,18	80,44	+	–	–	1
10	<i>ретив*</i>	3,2	18,8	++	–	–	2
11	<i>сизы*</i>	5,7	38,8	+(++)	+	–	2,5
12	<i>кущи</i>	0,65	8,7	++	–	–/+	2,5
13	<i>возвеща*</i>	5,17	17,9	+++	–	–	3
14	<i>очи</i>	12,4	258,58	–	–	+++	3
15	<i>верениц*</i>	7,9	32,0	++	+	–	3
16	<i>разверст*</i>	2,28	11,03	+++	–	–	3
17	<i>дол</i>	1,5	34,9	++	+(++)	–	3,5
18	<i>грезит*</i>	1,47	24,6	+	+++	–	4
19	<i>польмя</i>	0,53	5,15	++	–	++	4
20	<i>реет</i>	0,43	19,6	+++	+	+	5
21	<i>сиры*</i>	0,95	16,02	+++	+	++	6
22	<i>кручин*</i>	8,15	40,87	+++	++	+	6
23	<i>зычн*</i>	3,57	7,43	+++	++	+	6
24	<i>рдеет (зарде*)</i>	1,77	17,4	++	+++	+	6
25	<i>денниц*</i>	0,6	35,9	+++	+++	+	7
26	<i>неизбывн*</i>	2,1	6,04	+++	+++	+	7
27	<i>сень</i>	1,7	32,37	+++	+++	++	8
28	<i>мириад*</i>	1,9	8,9	+++	++	+++	8
29	<i>просинь*</i>	0,13	5,8	+++	++	+++	8
30	<i>сонм*</i>	3,57	74,64	+++	+++	+++	9
31	<i>вешн*</i>	3,98	79,7	+++	+++	+++	9

Заключительный этап исследования был посвящен поиску корреляций между степенью архаичности лексемы и потерей ею поэтических коннотаций. Наличие поэтических коннотаций определялось с помощью психолингвистического шкалирования – опрашиваемые выбирали из цепочки синонимов наиболее поэтическое на их взгляд слово. Результаты показали, что архаизация напрямую не связана с потерей лексемой поэтических коннотаций. Устойчивой тенденции к игнорированию архаизмов при отборе слов с более выраженной поэтичностью не отмечено. Архаичные слова были востребованы во всех случаях, хотя и в разной степени. Так, устаревшее по данным свободного ассоциативного эксперимента слово *мириады* (коэффициент архаизации 8) показало достаточно выраженную поэтичность: *мириады* (59) – *миллионы* (23) – *миллиарды* (18). Устаревшая единица *вешний* в поэтичности не уступает словам *весенний* и *апрельский* (31, 30 и 39). Слово *сизый* (коэффициент архаизации 2) оказалось недостаточно поэтичным: *сизый* (18) – *синеватый* (44) – *серый* (38). Таким образом, коннотат может не зависеть от денотата и, определяясь разными факторами, в том числе звуковой оболочкой слова, может актуализироваться в семантике устаревшей лексемы.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлена тенденция к межстилевой конвергенции на лексическом уровне. Она проявляется в архаизации специальной стилистически маркированной лексики и стирании стилистических границ в использовании слов, но процесс этот происходит с разной интенсивностью у разных лексем. Архаизация может протекать с потерей денотативного значения и активным сохранением коннотативного, то есть прямой зависимости между выходом слова из употребления и потерей им коннотативных значений не наблюдается. Таким образом, мы делаем вывод, что стилистическая коннотация проходит до некоторой степени автономный от денотативного значения путь эволюционирования.

Полученные прогностические оценки свидетельствуют о том, что в будущем поэзия не будет активно как раньше прибегать к своей специфической лексике, а будет пользоваться в основном обыденным языком; в лексическом плане расстояние между функциональными стилями максимально сократится.

Эволюционные изменения в семантике слова эффективно выявляются с помощью психолингвистических инструментов. Во-первых, психолингвистическое шкалирование позволяет установить актуальное наполнение стилистического слоя значения лексемы поэтической коннотацией и определить степень поэтичности того или иного слова или его формы на данный момент. Во-вторых, ассоциативный эксперимент дает возможность проследить процесс архаизации поэтизмов и показать, что они сохраняют актуальность. На основе отобранных параметров анализа данных свободного ассоциативного эксперимента можно вычислить коэффициент архаизации того или иного слова. Сопоставление данных, полученных с помощью психолингвистических методов и корпусного анализа, позволяет выявить динамику лексико-семантических явлений.

Работа вносит вклад в развитие лексикологии и лексикографии. Предложенные методы могут быть востребованы для изучения не только поэтического языка, но и лексико-семантических особенностей других функциональных стилей в их развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». С. 81–82.
- Леонтьев А. А., 1997. Психопоэтика // Основы психолингвистики. М. : Смысл. 287 с.
- Лотман Ю. М., 1996. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство–СПб. 846 с.
- Орехов Б. В., 2012. Поэтизм: логический анализ термина // Вестник Башкирского университета. Т. 17, № 3 (I). С. 1647–1648.
- Пищальникова В. А., 2019. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 17, № 3. С. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>.

- Плетнева Н. В., 2011. Функциональные особенности усечений в современном английском языке // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. № 1. С. 105–109.
- Плунгян В. А. О (бес)конечности языка. URL: http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (дата обращения: 24.04.2020).
- Собинникова В. И., 1969. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 103 с.
- Тынянов Ю. Н., 1924. Проблема стихотворного языка. Ленинград : Академия. 139 с.
- Химик В. В., 2000. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 272 с.
- Шевченко С. Н., 2019. Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии (в английском, русском и итальянском языках) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 2. С. 108–118.
- Шевченко С. Н., 2020. Факторы формирования лексических поэтических коннотаций (результаты психолингвистического эксперимента) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 16–24.
- Эпштейн М. Н., 2016. Поэзия и сверхпоэзия : О многообразии творческих миров. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус. 480 с.
- Coleman R. G. G., 1999. Poetic Diction, Poetic Discourse and the Poetic Register // *Aspects of the Language of Latin Poetry* (Proceedings of the British Academy 93). Oxford : Oxford University Press. P. 21–93.
- Hudley A. H. Ch., Mallinson C., 2010. Understanding English Language Variation in U.S. Schools. N. Y. : Teachers College Press. 192 p.
- Hudson M., 1910. The Science of Poetry and the Philosophy of Language. N. Y. : Funk & Wagnalls Company. 294 p.
- Mukařovský J., 2014. Standard Language and Poetic Language // *Chapters from the History of Czech Functional Linguistics* / ed. by J. Chovanec. Brno : Masarykova univerzita. P. 41–53.
- Pickett J., 2005. The American Heritage Guide to Contemporary Usage and Style. Introduction. Boston : Houghton Mifflin. 536 p.
- Stockwell P., 2019. Cognitive Poetics: An Introduction. 2nd ed. L. : Routledge. 246 p.
- Stubbs M., 1986. Educational Linguistics. Oxford : Blackwell. 286 p.
- Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics. URL: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html (date of access: 12.04.2020).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 04.03.2020).
- Британника – Энциклопедия Британника. URL: <https://www.britannica.com/topic/dialect/Standard-languages#ref393732> (дата обращения: 02.05.2020).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of the Human]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury” Publ., pp. 81-82.
- Leontev A.A., 1997. *Psihopoetika. Osnovy psiholingvistiki* [Psychopoetics. The Basics of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ. 287 p.
- Lotman Yu.M., 1996. *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [About Poets and Poetry: The Analysis of the Poetic Text]. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ. 846 p.
- Orekhov B.V., 2012. Poetizm: logicheskiy analiz termina [Poetism: Logical Analysis of the Term]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 3 (I), pp. 1647-1648.
- Pishchalnikova V. A., 2019. Eksperiment kak sostavnaya chast metodologii sopostavitelnykh issledovaniy [Experiment As an Integral Part of Methodology of Comparative Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 52-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>.
- Pletneva N. V., 2011. Funkcionalnye osobennosti usecheniy v sovremennom angliyskom yazyke [Functional Peculiarities of Reduction in the Modern English Language]. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, no. 1, pp. 105-109.
- Plungyan V.A. *O (bes)konechnosti yazyka* [About the (In)Finiteness of the Language]. URL: http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (accessed 24 April 2020).
- Sobinnikova V.I., 1969. *Konstruksii s odnorodnymi chlenami, leksicheskim tozhdestvom i parallelizmom v narodnykh govorakh* [Constructions with Homogeneous Terms, Lexical Identity and Parallelism in Vernacular Dialects]. Voronezh, Voronezhskogo universiteta. 103 p.
- Tynyanov Yu.N., 1924. *Problema stihotvornogo yazyka* [The Problem of Verse Language]. Leningrad, Akademiya Publ. 139 p.

- Himik V.V., 2000. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kulturnyj fenomen* [The Poetry of the Low, or The Common Parlance As a Cultural Phenomenon]. Saint Petersburg, Philologicheskii fakultet SPbGU. 272 p.
- Shevchenko S.N., 2019. Stilisticheskie osobennosti redutsirovannykh slov v poezii (v angliyskom, ruskom i italyanskom yazykakh) [Stylistic Features of Reduced Words in Poetry (In the English, Russian and Italian Languages)]. *Nauchny rezultat. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], no. 2, pp. 108-118.
- Shevchenko S.N., 2020. Faktory formirovaniya leksicheskikh poeticheskikh konnotatsiy (rezultaty psiholingvisticheskogo eksperimenta) [Factors of Developing Lexical Poetic Connotations (The Results of the Psycholinguistic Experiment)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 16-24.
- Epshtejn M.N., 2016. *Poeziya i sverhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov* [Poetry and Superpoetry: About the Diversity of Creative Worlds]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. 480 p.
- Coleman R.G.G., 1999. Poetic Diction, Poetic Discourse and the Poetic Register. *Aspects of the Language of Latin Poetry (Proceedings of the British Academy 93)*. Oxford, Oxford University Press, pp. 21-93.
- Hudley A. H. Ch., Mallinson C., 2010. *Understanding English Language Variation in U.S. Schools*. New York, Teachers College Press. 192 p.
- Hudson M., 1910. *The Science of Poetry and the Philosophy of Language*. New York, Funk & Wagnalls Company. 294 p.
- Mukařovský J., 2014. Standard Language and Poetic Language. Chovanec J., ed. *Chapters from the History of Czech Functional Linguistics*. Brno, Masarykova univerzita, pp. 41-53.
- Pickett J., 2005. *The American Heritage Guide to Contemporary Usage and Style. Introduction*. Boston, Houghton Mifflin. 536 p.
- Stockwell P., 2019. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London, Routledge. 246 p.
- Stubbs M., 1986. *Educational Linguistics*. Oxford, Blackwell. 286 p.
- Tsur R. *Aspects of Cognitive Poetics*. URL: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html (accessed 12 April 2020).

SOURCES AND DICTIONARIES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed 4 March 2020).
- Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/dialect/Standard-languages#ref393732> (accessed 2 May 2020).

Information About the Author

Svetlana N. Shevchenko, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Senior Lecturer, Russian State Geological Prospecting University (Stary Oskol Branch), Lenina St, 14/13, 309514 Stary Oskol, Russia, floradale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-1865>

Информация об авторе

Светлана Николаевна Шевченко, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории психолингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; старший преподаватель, Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе, ул. Ленина, 14/13, 309514 г. Старый Оскол, Россия, floradale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-1865>